

ДОКЛАД

№ 50 / 2020

Российский совет
по международным
делам

STRATEGIC VISION
INSTITUTE

Россия и Пакистан на Ближнем Востоке: подходы к безопасности в Заливе

Григорий Лукьянов
Юлия Рокнифард
Мохаммад Вакас Джан

**РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ
ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВИДЕНИЯ (ПАКИСТАН)**

МОСКВА 2020

УДК 327-049.5(470+571:549.1)

ББК 66.4(2Рос),9(5Пак),30

Российский совет по международным делам

Институт стратегического видения (Пакистан)

Авторский коллектив:

С российской стороны: канд. полит. наук **Ю.В. Рокнифард; Г.В. Лукьянов**

С пакистанской стороны: **М.В. Джан**

Выпускающие редакторы:

канд. ист. наук **А.В. Кортунов;** PhD in War Studies **З.И. Чима; Р.Ш. Мамедов; О.А. Пылова**

Р76 Россия и Пакистан на Ближнем Востоке: подходы к безопасности в Заливе: доклад 50/2020 / [Ю. В. Рокнифард; Г. В. Лукьянов; М. В. Джан]; [вып. ред. А. Кортунов; З. Чима; Р. Мамедов; О. Пылова]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2020 – 36 с. – Авт. и ред. указаны на обороте тит. л.

ISBN 978-5-6042567-6-3

Настоящий доклад является результатом совместной работы, проведенной Российским советом по международным делам (РСМД) и Институтом стратегического видения (SVI, Пакистан). В докладе анализируется роль двух стран в протекающих на Ближнем Востоке процессах и рассматривается политика России и Пакистана в субрегионе Персидского залива. Эксперты определяют области, в которых сходятся стратегические и дипломатические интересы двух государств. В работе также приведены позиции России и Пакистана в отношении региональной конкуренции, влияния внешних сил, возможностей для сотрудничества в сфере безопасности в Персидском заливе.

Высказанные в докладе мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Полный текст доклада опубликован на интернет-портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке — russiancouncil.ru/report50

© Институт стратегического видения, 2020

© Рокнифард Ю.В., Лукьянов Г.В., 2020

© Перевод на русский язык, составление, оформление, дизайн обложки. НП РСМД, 2020

Содержание

Введение	4
1. Россия и вопросы безопасности в Персидском заливе	6
1.1. Россия и монархии Персидского Залива: история сближения позиций в сфере безопасности	6
1.2. «Возвращение» России на Ближний Восток	8
1.3. Позиция России в отношении эскалации в Персидском заливе	11
2. Пакистан и перемены в динамике ближневосточной политики великих держав	15
2.1. Исторический обзор роли Пакистана на Ближнем Востоке	15
2.2. Влияние региональной политики великих держав	20
2.3. Изменение статус-кво региона?	24
2.4. Пакистан в новом глобальном статус-кво	27
3. Выводы и возможности для сотрудничества в сфере безопасности в Персидском заливе между Россией и Пакистаном	29
Об авторах	32

Введение

Настоящий доклад является результатом совместной работы, проведенной Российским советом по международным делам (РСМД) и Институтом стратегического видения (SVI). В докладе анализируется роль двух стран в протекающих на Ближнем Востоке процессах и рассматривается политика России и Пакистана в субрегионе Персидского залива. Динамика со стороны Ближнего Востока и Персидского залива, с которой сталкиваются как Россия, так и Пакистан, представляет особую важность для определения областей, в которых сходятся стратегические и дипломатические интересы обеих стран. Этот доклад включает в себя работы, подготовленные с российской стороны экспертами РСМД Юлией Рокнифард и Григорием Лукьяновым, а с пакистанской стороны — исследователем SVI Мохаммадом Вакасом Джаном.

В работе Юлии Рокнифард и Григория Лукьянова проведен анализ российской политики в отношении безопасности в Персидском заливе. Кроме того, российские авторы представили историю сближения позиций России и государств Залива в этой сфере в условиях «возвращения» России на Ближний Восток. Вакас Джан рассматривает внешнюю политику Пакистана и его растущую роль в системе безопасности на Ближнем Востоке, которая определяется геополитикой региона. Он описывает необходимость расстановки новых внешнеполитических ориентиров Пакистана, обусловленных последними изменениями в траектории политики великих держав и их влиянием на регионы Южной Азии и Ближнего Востока.

Авторы отмечают, что в условиях необходимости снижения напряженности между монархиями Залива и Ираном Россия и Пакистан традиционно рассматриваются как потенциальные посредники. В 2019 г. Королевство Саудовская Аравия (КСА) благодаря традиционно нейтральной позиции Исламабада как в отношении проблем между монархиями Залива, так и между Тегераном и Эр-Риядом неофициально выбрало Пакистан в качестве одного из посредников для переговоров. Стратегический нейтралитет здесь представляет Пакистан в выгодном свете. Поскольку Россия и Пакистан поддерживают рабочие контакты со всеми игроками, они могли бы выступить с совместными предложениями по улучшению ситуации в зоне Персидского залива.

Роль России и Пакистана в системе безопасности региона всегда заключалась в поддержании стабильности. В силу этого подход обеих стран отмечало стремление сохранить статус-кво, а не радикально его изменить. Такой подход резко контрастирует с ролью США, которая, хотя и предполагает обеспечение стабильности, однако настаивает на определенных трансформациях. Реализация этих трансформаций на практике является непрерывным условием, при котором Соединенные Штаты могли бы оказать необходимую помощь и поддержку. Для сравнения, как российская, так и пакистанская поддержка не обусловлены выполнением каких-либо условий

и не подразумевают проведение всеобъемлющей политики непосредственного вмешательства в социально-политические и экономические системы стран Ближнего Востока.

В отличие от США, отношения России и Пакистана со странами региона основаны на долгой истории дипломатических связей, отличительной чертой которых являлось поддержание социально-экономической общности. Она напрямую связана с географической близостью региона к России и Пакистану, что само по себе было определяющим фактором до формирования современной международной системы. Эти связи обладают огромным потенциалом в деле смягчения существующей в регионе напряженности, если их использовать в рамках многосторонней структуры (например, Шанхайской организации сотрудничества). Таким образом, и Россия, и Пакистан, опираясь на свои двусторонние отношения с ведущими державами Ближнего Востока, могут сыграть ключевую роль в разрешении существующих споров и разногласий, в частности — продолжающегося противостояния между Ираном и Саудовской Аравией, что позволит укрепить стабильность и снизить степень неопределенности и рисков.

1. Россия и вопросы безопасности в Персидском заливе

Юлия
Рокнифард
Григорий
Лукьянов

1.1. Россия и монархии Персидского Залива: история сближения позиций в сфере безопасности

Россия имеет давние связи с арабскими монархиями Персидского залива. Еще в 1926 г. СССР стал первым государством, установившим официальные двусторонние отношения с Королевством Саудовская Аравия. Посол СССР в Саудовской Аравии Карим Хакимов был личным другом короля Абдель Азиза Аль Сауда, и арабы звали его «красный паша». С последовавшими репрессиями в СССР и казнью уже вернувшегося в Москву К. Хакимова в 1938 г. саудовский монарх разорвал отношения с СССР. В период холодной войны Россия имела ограниченные контакты с монархиями Залива, ставшими ключевыми игроками на нефтяном рынке. Во многом ввиду этого регион стал стратегически важен США.

Американская стратегия опоры на Саудовскую Аравию и Иран претерпела изменения в 1979 г. после Исламской революции в Иране. Монархии Залива продолжили включаться в американский «зонтик безопасности»¹. Ситуация стала накаляться в период советского ввода войск в Афганистан в том же 1979 г. Страны Залива видели в этом угрозу выхода СССР к Персидскому заливу. Заверения советских дипломатов об отсутствии подобного стремления не находили понимания у государств Залива и США.

Образование в 1981 г. Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) стало вехой на пути к сближению монархий. Обозначенные выше факторы (ввод советских войск в Афганистан и победа исламской революции в Иране в 1979 г.) вынудили аравийские монархии создать не столько экономический и интеграционный, а военно-политический блок. Страны ССАГПЗ стремились образовать относительно независимую систему региональной безопасности. Однако процесс протекал очень медленно из-за противодействия лидирующей роли Саудовской Аравии со стороны малых аравийских государств, застарелых территориальных споров и «разных подходов к оценке потенциальных угроз»².

Показателем провала создания независимой от внешних акторов системы безопасности в субрегионе Персидского залива стоит назвать войну в Заливе 1990–1991 гг. Государства ССАГПЗ оказались неспособны эффективно выступить на стороне Кувейта и защитить его от агрессии Ирака, что вскрыло

¹ Аксененок А., Махмуд О. Россия–ССАГПЗ: развитие отношений после ядерной сделки с Ираном // РСМД. 17.03.2017.
URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-ssagpz-razvitiye-otnosheniy-posle-yadernoy-sdelki-s-iranom/>

² Карпенко Е.А. Формирование системы коллективной безопасности стран-членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: дис. канд. ист. наук. 07.00.15. – М., 2006.
URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-sistemy-kollektivnoi-bezopasnosti-stran-chlenov-soveta-sotrudnichestva-arabskikh>

несостоятельность прежнего подхода. В этой связи усилилась тенденция на координацию в сфере безопасности между аравийскими монархиями и США, ставшими ключевым поставщиком безопасности в регион Персидского залива. В результате этого государства ССАГПЗ оказались, с одной стороны, в ситуации декларируемого бойкота Израилю, а с другой — расчета на «зонтик безопасности» его главного стратегического партнера в лице США. Это не могло не накладывать отпечаток на дальнейшее ослабление приверженности аравийских монархий палестинскому делу и противодействию Израилю. Страны ССАГПЗ отстранились от этого противоборства, передав его во многом другим своим арабским партнерам по Лиге арабских государств, например, Египту.

Одновременно с распадом СССР происходит восстановление официальных отношений Москвы с рядом государств, ключевым из которых стала Саудовская Аравия. К этому моменту уже не существовало афганского фактора, поскольку еще в 1989 г. СССР вывел свои войска из Афганистана. Кроме того, СССР в последние годы, а тем более «новая» Россия отказались от преследования духовенства и религиозных групп. Либерализация идеологической жизни и свобода вероисповедания, в том числе для российских мусульман, позитивно отражались на восприятии России в арабо-мусульманских странах. Знаковым моментом стало получение Россией в 2005 г. статуса государства-наблюдателя при Организации исламского сотрудничества. Тем не менее для новой российской элиты 1990-х гг. ближневосточный регион не находился в приоритете с точки зрения военного присутствия. В течение длительного периода уже после распада СССР и прекращения холодной войны военно-политическое руководство «новой» России считало нецелесообразным не только расширять свое присутствие в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) за счет создания новых объектов, но и поддерживать его на уровне 1960–1980-х гг. Такой подход принимали и государства Персидского залива, отныне не видевшие в Москве угрозу своей безопасности. Но что действительно стало беспокоить саму Москву — это вопросы борьбы с терроризмом.

На фоне продолжительных вооруженных конфликтов на Северном Кавказе (в Чечне и Дагестане) и усиления угрозы со стороны международных террористических организаций, действующих как на территории России, так и в странах БВСА, перспективным направлением российской ближневосточной политики в 2000–2010-х гг. стало налаживание комплексного эффективного взаимодействия в сфере безопасности и контртерроризма не только с традиционными, но и с новыми партнерами³.

К последним стоит отнести Израиль и Саудовскую Аравию, дипломатические отношения с которыми были восстановлены только после распада

³ Лукьянов Г. Военное присутствие и политика безопасности России на Ближнем Востоке после начала военной операции в Сирии // РСМД. 02.10.2019.
URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voennoe-prisutstvie-i-politika-bezopasnosti-rossii-na-blizhnem-vostoke-posle-nachala-voennoy-operatsii/>

СССР⁴. Тем не менее взаимодействие с государствами региона в сфере безопасности ограничивалось преимущественно двусторонними и реже многосторонними консультациями профильных ведомств, обменом информацией и развитием правовой основы сотрудничества в сфере противодействия криминалу. Ключевые преграды здесь — отсутствие обоюдного доверия, институциональной базы, единства в подходах к пониманию ключевых понятий и категорий. Неясно, что считать терроризмом и кого считать террористом. Это характерно не только для отношений России со странами региона, но и для отношений между другими глобальными и региональными державами и международными организациями.

Возвращение России на Ближний Восток в качестве полноправного игрока часто связывают с вовлечением в сирийский конфликт по приглашению законного сирийского правительства в 2015 г. Однако желание восстановить, сохранить или заново выстроить свои связи с основными региональными игроками было и раньше. Более продуманная политика на Ближнем Востоке началась со второго президентского срока Владимира Путина.

1.2. «Возвращение» России на Ближний Восток

Ситуация в определении российских приоритетов принципиальным образом изменилась в 2015 г., когда Россия по приглашению официального правительства Сирийской Арабской Республики (САР) развернула на территории страны контингент своих вооруженных сил для борьбы с международной террористической организацией «Исламское государство» (ИГ, организация признана террористической, ее деятельность запрещена в России)⁵. Несмотря на разницу в позициях по сирийскому вопросу между Россией и ключевым членом ССАГПЗ Саудовской Аравией, совместная борьба с терроризмом и экстремизмом сохранилась как одно из важнейших направлений сотрудничества России с монархиями Залива. По итогам IV заседания стратегического диалога Россия — ССАГПЗ, состоявшегося в мае 2016 г. в Москве, стороны заявили о намерении продолжать коллективную борьбу с терроризмом, реализуя Глобальную контртеррористическую стратегию ООН⁶.

С «возвращением» России в регион Ближнего Востока после 2015 г. координация со странами Залива усилилась. Это совпало по времени с необходимостью стабилизировать цены на нефть. Формат ОПЕК+ и сокращение объемов добычи нефти ее производителями внесли вклад в сближение позиций и по другим вопросам международной повестки дня. В 2017 г. состоялся исторический визит саудовского короля Салмана ибн Абдель Азиза Аль Сауда в Москву. Во время своего ответного визита в Эр-Рияд в

⁴ Общий враг Израиля и России – международный терроризм // Редакция журнала «Международная жизнь». 15.12.2018.

URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21256>

⁵ Из России с поддержкой // ТАСС.

URL: <https://tass.ru/spec/syria>

⁶ Косач Г. Мелкумян Е. Возможности для стратегических отношений России и Саудовской Аравии // РСМД. Аналитическая записка № 6. 08. 2016.

URL: <https://russiancouncil.ru/upload/Russia-SaudiArabia-policy-brief-6-ru.pdf>

2019 г. президент России Владимир Путин заявил: «Наши страны взаимодействуют в решении актуальных международных, региональных проблем. Мы совместно работаем в рамках ООН, “Группы двадцати”, в которой Саудовская Аравия будет председательствовать в следующем году, и стратегического диалога “Россия — Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива”»⁷.

В вопросе кризиса в ССАГПЗ в 2017 г. и блокады Катара со стороны других монархий Залива, в первую очередь Саудовской Аравии и ОАЭ, Россия заняла равноудаленную позицию. Министр иностранных дел России Сергей Лавров тогда заявил: «Страны... должны все-таки сесть за стол переговоров, отказаться от ультиматумов и искать общеприемлемое решение, — отметил он. — Озабоченности должны быть рассмотрены, и пути удовлетворения озабоченностей на взаимной основе должны быть найдены, я уверен, что это можно сделать»⁸. Другим ключевым вызовом стала эскалация напряженности между Саудовской Аравией и Ираном. Большое значение здесь приобрело американское влияние, особенно после выхода США из СВПД.

В этих условиях региональные державы стали рассматривать двух возможных посредников — Россию и Ирак. Преимуществом Багдада можно назвать критическую важность для него договоренностей между Тегераном и Эр-Риядом. Однако сомнения и КСА, и ИРИ в том, что Ирак вообще может играть роль авторитетного посредника, фактически исключали такую возможность. Россия обладает авторитетом и необходимыми политико-дипломатическими ресурсами для деэскалации. Однако политическая цена предоставления такой услуги Москвой, могла оказаться высокой.

В 2016 г. российская концепция внешней политики определила Ближний Восток как регион, проблемы которого непосредственно касаются России⁹, а внешнее вмешательство было отмечено как одна из причин существующих региональных проблем. Сирийские вопросы поначалу преобладали над такими задачами, как расширение экономических связей России или предотвращение распространения экстремистских идеологий и террористической деятельности в соседние страны и на российскую территорию. Целью присутствия в регионе было улучшение российского имиджа на Ближнем Востоке и закрепление роли балансирующего внешнего актора.

Некоторые считают, что Россия заполняет «геополитический вакуум» на Ближнем Востоке, созданный политикой США начиная с администрации Барака Обамы (2009–2017 гг.). В таком контексте Россия представляется как великая держава, принимающая участие в борьбе за влияние среди государств региона.

⁷ Латухина Г. Путин назвал цель сотрудничества Москвы и Эр-Рияда // Российская газета. 14.10.2019.
URL: <https://rg.ru/2019/10/14/putin-nazval-cel-sotrudnichestva-moskvy-i-er-riada.html>

⁸ Лавров: катарский кризис может быть урегулирован путем обсуждения взаимных озабоченностей // ТАСС. 22.09.2019.
URL: <https://tass.ru/politika/4586005>

⁹ Указ Президента Российской Федерации № 640. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации // Администрация Президента России. 30.11.2016.
URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451>

Ближний Восток стал одной из арен взаимодействия с Западом и в первую очередь с США, а также перспективным рынком для продукции тяжелой промышленности России, в частности, военной техники. Среди тяжеловесов, работающих в регионе, Росатом, у которого есть проекты в Иране, Турции, Иордании и Египте, ЛУКОЙЛ — в Ираке, Газпром — в Турции.

Присутствие США, несмотря на декларируемый предыдущей администрацией вывод войск, было одним из факторов, побудивших Москву более тщательно планировать свои попытки установить региональный баланс сил. Москва также следила за другими показателями военного вмешательства Запада в дела региона. Например, рост той части оборонного бюджета США, которая связана с внешними операциями на случай непредвиденных обстоятельств — *Overseas Contingency Operations (OCO)*, напротив, только ускорился, обещая, согласно прогнозам, достичь исторического максимума в 175 млрд долл. в 2020–2021 гг. Бюджет *OCO* и присутствие США на Ближнем Востоке не являются транспарентными, декларируемое США сокращение участия в зарубежных конфликтах не гарантировано, все более важной становится продуманность российской стратегии на Ближнем Востоке.

В начале второго президентского срока Владимир Путин стал посещать с визитами Ближний Восток. Отношения России с Сирией находились в приоритете. Например, в 2005 г. после получения контракта на поставку нефти и разработку газовых месторождений из долга в размере 13,4 млрд долл. Россия списала 9,78 млрд долл.¹⁰

Находясь на перекрестке многочисленных горячих точек, Россия получила возможность сыграть посредническую роль или, по крайней мере, заявить о себе в таком качестве. Способность эффективно балансировать между конфликтующими сторонами, например, в арабо-израильском конфликте, региональном соперничестве Саудовской Аравии и Ирана или во время накала враждебности между Ираном и Израилем, сделала ее действительно желательным партнером для региональных держав, а в некотором смысле — даже удачным примером объективного, независимого игрока, действующего с учетом интересов основных региональных акторов. Этот имидж обеспечил Москву кредитом доверия региональных игроков, ищущих противовес вмешательству внешних сил и посредника для решения своих внутрирегиональных вопросов.

Россия на Ближнем Востоке, таким образом, имеет стратегическое преимущество. Несмотря на то, что Москва обладает меньшими ресурсами для проецирования силы далеко за пределы своих границ, некий обнулившийся с советских времен образ «новой» России делает возможным ее возвращение в игру в качестве «справедливого» посредника, который уважительно относится к суверенитету других стран и потребностям региона.

В стратегическом плане способность России повернуть ход сирийской войны в пользу действующего сирийского правительства доказала, что она

¹⁰ Арсюхин Е., Богданов В. Россия простила Сирию 10 миллиардов // Российская газета. 26.01.2005.
URL: <https://rg.ru/2005/01/26/asad-siria.html>

является мощной силой, с которой необходимо считаться. Аналогичным образом дипломатические усилия Москвы по урегулированию сирийского конфликта в рамках так называемого Астанинского процесса при активном участии региональных игроков (Турции и Ирана) помогли укрепить имидж справедливого арбитра на международной арене.

Участие Китая в региональных делах, прежде всего экономическое, заставляет Россию, в свою очередь, учитывать интересы другого влиятельного внерегионального актора. Справедливо будет заключить, что Россия балансирует между стратегическими и экономическими интересами, с одной стороны, и имеющимися в ее распоряжении ресурсами, с другой.

1.3. Позиция России в отношении эскалации в Персидском заливе

Активная роль, которую Россия сыграла в урегулировании ситуации вокруг ядерной программы Ирана, была одной из важных политических инициатив Москвы на Ближнем Востоке и в глобальном масштабе, поскольку по мере развития кризис приобрел международное значение. Однако, несмотря на некоторые заявления о том, что Россия и Иран в этом процессе стали стратегическими партнерами, их нельзя воспринимать исключительно в таком ключе. В конце концов, поддержка Россией Ирана все же должна рассматриваться через призму собственных интересов Москвы.

Кризис, который разыгрался в Персидском заливе с новой силой после первого заявления Ирана о приостановлении выполнения некоторых обязательств по Совместному всеобъемлющему плану действий (СВПД) в мае 2019 г., продемонстрировал, что проблема ядерной программы Ирана на самом деле включает в себя широкий спектр факторов и интересов. Озабоченность игроков, оказывающих влияние на Иран (США, в частности), режимом ядерного нераспространения не является определяющей. Точно так же нынешняя эскалация не может быть сведена к 40-летнему противостоянию Ирана и США. На протяжении всего переговорного процесса по иранской ядерной программе и после решения США о выходе из ядерной сделки Россия внимательно следила за развитием ситуации, тем более что она стала стремиться вновь зарекомендовать себя как активного регионального игрока.

Россия сохраняет свою позицию, согласно которой Иран не должен иметь ядерного оружия, поскольку это может не только нанести ущерб режиму нераспространения, но и оказать дестабилизирующее воздействие на весь регион. Решение США о выходе из СВПД и последующая эскалация в Персидском заливе только подтвердили, что опасения по этому поводу не беспочвенны.

Иран — сосед России по Каспию, а это означает, что вышеперечисленные вопросы напрямую влияют на российские интересы на юге. С другой стороны, особая геополитическая роль Ирана на Ближнем Востоке предопределяет стремление России построить если не стратегические, то макси-

мально конструктивные отношения с южным соседом.

Обе страны отметили противодействие глобальному доминированию США в основе своих внешнеполитических доктрин¹¹. Россия пытается сделать это в глобальном масштабе, а Иран — в региональном. В этом смысле их действительно можно назвать стратегическими партнерами, поскольку они пытаются не позволить международному порядку, складывающемуся после холодной войны, скатиться к однополярной конфигурации, а также защитить интересы менее влиятельных игроков, чей голос также должен учитываться в решении региональных и глобальных вопросов. Эта позиция частично отразилась в примерах военного сотрудничества, таких как использование Россией иранской авиабазы в Хамедане для нападения на объекты в Сирии в августе 2016 г. Тогда это событие имело символическое значение — ранее Иран фактически установил табу на появление иностранных вооруженных сил, помня о периоде квазиколониального контроля над своей территорией со стороны СССР и Великобритании в XX в.

Другой пример такого сотрудничества появился в 2019 г., когда стратеги пытались угадать, какой будет реакция Москвы на возможную эскалацию противостояния в Персидском заливе. В июле Министерство обороны России и Генеральный штаб Вооруженных сил Ирана подписали меморандум о взаимопонимании, направленный на расширение военных связей между двумя странами¹². Соглашения включали военные учения в Персидском заливе — по сути, юридический предлог присутствия России во взрывоопасной зоне. Конечно, советско-персидский договор о дружбе 1921 г., который Россия считает действующим, обеспечивает правовую предпосылку для ввода российских войск на территорию Ирана в случае иностранного вторжения, однако вышеуказанный пример косвенно говорит о решимости по крайней мере предпринимать некоторые действия в случае эскалации в современный период.

На данном этапе важно, что Россия, по сути, подчеркнула, что вряд ли останется в стороне в случае, если нарастающая напряженность между Ираном, его арабскими соседями и США будет угрожать безопасности в регионе. Россия также выразила неприемлемость политики «исключения кого-либо по тем или иным причинам», отразив это в недавно презентованной Концепции коллективной безопасности для Персидского залива¹³. Инклюзивный подход мог бы создать возможности для развития отношений между Россией, Пакистаном и региональными государствами в сфере использования ядерных технологий. Однако экзистенциальная заинтересованность Исла-

¹¹ Тренин Д. Россия и Иран: недоверие в прошлом и сотрудничество в настоящем // Московский центр Карнеги. 08.09.2016.

URL: <https://carnegie.ru/2016/09/08/ru-pub-64508>

¹² Suchkov M. Intel: How Russia is deepening military ties with Iran to counter the US // Al-Monitor. 30.07.2019.

URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/07/intel-russia-deepening-military-ties-iran-counter-us.html>

¹³ О презентации российской Концепции коллективной безопасности в зоне Персидского залива // МИД России. 23.07.2019.

URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3733593?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=ru_RU

мабада в сохранении всех преимуществ, связанных с его военной ядерной программой, не позволяет Пакистану как не члену ДНЯО выступать в качестве образца для подражания.

Слухи о готовности Москвы снабжать Тегеран не только ЗРК С-400, но и танками Т-90, и истребителями Су-30, поставки которых формально противоречат плохо выполняемому «ядерному соглашению», можно оценить как попытку поддержать версию регионального порядка, альтернативную американской. Поставка ЗРК С-400 в Турцию, несмотря на энергичные возражения НАТО и США, лишь подчеркивает, что Россия будет решительно добиваться своих целей, в том числе когда дело касается Ирана. Тем более если СВПД действительно прекратит свое существование, ограничение на поставки тяжелых вооружений в Иран будут сняты.

Очевидно, что Россия ясно обозначила свое негативное отношение к любой эскалации на Ближнем Востоке в дополнение к уже существующим очагам напряженности. Таким образом, Москва, конечно, хотела бы выступить в роли игрока с более привлекательными идеями для региона, хотя при этом она также преследует и свои интересы, которые, естественно, выходят за рамки поддержки Ирана.

Одним из важных итогов переговорного процесса по иранской ядерной проблеме стало полноценное возвращение Ирана на рынок нефти. Предположения о том, что Россия является основным бенефициаром краха СВПД, поскольку он исключает Иран как конкурента, упрощены и не отражают видение ситуации экспертами и правительством¹⁴.

В России понимают, что иранская торговля нефтью и газом в большей степени ориентирована на Азиатско-Тихоокеанский регион, в то время как основные клиенты России находятся в Европе. Кроме того, иранская промышленность потребует значительных инвестиций, чтобы приблизить производственные и экспортные возможности к достаточному уровню для конкурирования с Россией¹⁵. Обе страны заинтересованы в стабильной ситуации на рынке нефти как с точки зрения предложения, так и цен.

В то же время Россия рассматривает альтернативные проекты, которые помогли бы сохранить основных иранских клиентов в Азии, вместо того чтобы создавать конкуренцию в борьбе за европейский рынок. Главный пример этого — различные модификации газопровода Иран — Пакистан — Индия. Проект рассматривался с 1996 г., но стороны перешли к содержательным дискуссиям в 2008 г., российский Газпром выразил заинтересованность в инвестировании в газопровод. Одновременно он вел переговоры об участии в разработке месторождения Южный Парс в Иране, тем самым наращивая свой вес в перспективном проекте с самой верхней части месторождения. В 2019 г. Россия снова участвовала в переговорах по уже

¹⁴ Kozhanov N. Will Russia benefit from a failed Iran nuclear deal? // Al Jazeera Media Network. 18.07.2018.
URL: <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/russia-benefit-failed-iran-nuclear-deal-180616173815567.html>

¹⁵ Khlebnikov A. Iran, Russia, and the impact of US sanctions // Middle East Institute. 17.07.2019.
URL: <https://www.mei.edu/publications/iran-russia-and-impact-us-sanctions>

обновленной версии проекта с тем же пунктом назначения, но альтернативным маршрутом, хотя и делала это с осторожностью, поскольку с экономической и политической точек зрения Москва предпочитает, чтобы сначала готовность к участию официально подтвердила Индия.

Благодаря ориентации каждого на прагматичную неполитизированную цель, такую как обеспечение энергетической безопасности, проект помог бы обеспечить баланс между игроками на Ближнем Востоке и в Южной Азии, учитывая стратегические отношения России и Индии, заинтересованность в укреплении сотрудничества с Пакистаном и в диверсификации энерготранспортных маршрутов из Ирана.

В числе других интересов России можно назвать привлечение инвестиций, особенно из Персидского залива. Вот почему, несмотря на поддержку ответного удара Ирана против США, Москва пытается сохранить свой относительно нейтральный имидж, балансируя между Ираном, Саудовской Аравией, ОАЭ и Израилем. По этой же причине явное стратегическое партнерство России и Ирана будет рассматриваться как отход от этого имиджа, что вряд ли будет способствовать реализации ее интересов.

Статус-кво с успешной реализацией СВПД, который позволил бы Ирану решить свои внутренние вопросы, в первую очередь экономические, и сохранить устойчивость политического режима без скатывания еще одного ближневосточного государства к непредсказуемости, является предпочтительным сценарием для России. В этом случае Москва будет в состоянии удерживать противников от прямой военной конфронтации, поддерживать поставки нефти и, следовательно, стабильность рынка и, возможно, даже эффективно продвигать свою концепцию безопасности среди региональных игроков.

Сотрудничество в области инфраструктурных или промышленных проектах между Россией и некоторыми странами региона, такими как Иран и Турция, может выглядеть как еще один признак того, что региональные игроки пытаются продвигать собственное видение нового миропорядка, хотя это вполне может быть тактическим и ограниченным по времени движением. Это не означает, что Россия не стремится к созданию долгосрочных геополитических альянсов в регионе, как раз наоборот. Но всякий раз, когда у России есть возможность выбирать между долгосрочными связями и сохранением имиджа нейтрального и справедливого игрока в рамках существующей международно-правовой базы, она выбирает последнее. Однако, несмотря на тактический характер альянсов, которые Россия выстраивает в данный момент, тот факт, что эти альянсы имеют определенную идеологическую ориентацию и поддерживаются вливанием значительных ресурсов, может вызывать беспокойство у американских стратегов и, таким образом, провоцировать противодействие.

2. Пакистан и перемены в динамике ближневосточной политики великих держав

2.1. Исторический обзор роли Пакистана на Ближнем Востоке

Мухаммад
Вакас Джан

Можно утверждать, что Исламская Республика Пакистан является одним из трех современных государств, в основании которых лежит религиозная общность¹⁶, хотя при его создании отцы-основатели руководствовались соображениями социально-экономического и политического порядка. Это, несомненно, подтверждается тем фактом, что все религиозные политические партии Британской Индии яростно выступали против создания Пакистана. Мухаммад Али Джинна, считающийся «Отцом нации», вовсе не был религиозным лидером. С самого начала национальное самосознание Пакистана, несмотря на светский характер государства, ошибочно олицетворялось с отражением чаяний не только мусульман южноазиатского субконтинента, но и с более широким панисламским идеалом мусульманской уммы. Это, в частности, проявляется в той роли, которая отводится Пакистану в Организации исламского сотрудничества (ОИС). Пакистан являлся одним из основателей ОИС¹⁷, находящейся в настоящее время под влиянием арабов во главе с Саудовской Аравией. Об исламской идентичности Пакистана также ошибочно судят по его активной поддержке палестинского народа, которую он оказывает с 1947 года, а также по упорному отказу признать государство Израиль и установить с ним дипломатические отношения¹⁸. Отождествление Пакистана с широким мусульманским миром во многом определило его отношения со странами Ближнего Востока и Персидского залива¹⁹. Религиозная идентичность Пакистана сформировалась благодаря правому мусульманской коалиции ПНА (Пакистанский национальный альянс), выступавшей против правительства Зульфикара Али Бхутто (1971–1977 гг.), и утвердилась активными усилиями безжалостного диктаторского режима генерала Зия-уль-Хака (1977–1988 гг.).

Факт остается фактом: в силу своего геостратегического значения как важнейшего мирового источника энергоносителей, ближневосточный регион исторически являет собой арену ожесточенного соперничества мировых держав за влияние. Благодаря наличию в регионе крупнейших в мире разведанных запасов углеводородов²⁰, его политика оказывает прямое воз-

¹⁶ Два других – Израиль и Иран. Следует отметить, что вопросы о зарождении Пакистана и о том, в какой степени государство, являясь светским по своему характеру, было ориентировано на отстаивание идеалов четко выраженной исламской идентичности, вызывают бурные дебаты. Более подробно об этой дискуссии см.: Nasr S.V. *Islam in Pakistan in Political Islam: Revolution, Radicalism, or Reform*. Boulder, Colorado, Lynne Rienner, 1999.

¹⁷ Pirzada S.S. *Pakistan and the OIC // Pakistan Horizon*, Vol. 40, №2, 1987. P. 14.

¹⁸ Mustafa Z. *Recent Trends in Pakistan's Policy Towards the Middle East // Pakistan Horizon*, Vol 28, №.4, 1975. P. 3; Cohen S.P. *The Idea of Pakistan*. New York, Brookings Institution Press, 2004. P. 25.

¹⁹ Khan A.S. *Pakistan's Foreign Policy in the Changing International Scenario // The Muslim World*, Vol. 96, №2, 2006. P. 238.

²⁰ Gupta E. *Oil Vulnerability Index of Oil-Importing Countries // Energy policy*, Vol. 36, №3, 2008. P. 1195.

действие на глобальный экономический рост и стабильность. Вот почему оказание влияния на эту политику и ее формирование представляло исключительный интерес для мировых и региональных держав на протяжении всей современной истории. И при доминирующем влиянии Британской империи в эпоху после Второй мировой войны, и при унилатерализме Соединенных Штатов после холодной войны, и при нынешнем противостоянии Ирана и Саудовской Аравии в борьбе за статус регионального гегемона характерными чертами геополитики региона были и по сей день остаются нестабильность и соперничество.

В условиях столь далеко идущих последствий региональной геополитики, Пакистану пришлось проявлять исключительную гибкость и использовать дифференцированный подход в выстраивании отношений с отдельными государствами региона. Этот подход предусматривает выстраивание отношений на основе исторического опыта с его сложным переплетением политических и идеологических соображений времен холодной войны, с одной стороны, и реалиях торгово-экономического сотрудничества с одним из наиболее важных источников энергоносителей в мире, с другой. Опираясь на имеющуюся динамику, мы покажем, что внешняя политика Пакистана в отношении Ближнего Востока, сформировавшаяся в результате сложных исторических процессов, в настоящее время переживает процесс сложных преобразований. Этот процесс, основанный на изменении динамики проводимой сверхдержавами политики, тесно связан с происходящими переменами в международном статус-кво. Международный статус-кво, находящийся на пороге перемен, указывает на неизбежную смену однополярного миропорядка многополярным.

Пакистан расположен на перекрестке Южной Азии и Ближнего Востока, и его геостратегическое положение позволило ему играть ключевую роль в обоих этих регионах на протяжении всей его истории. Эта роль была исторически обусловлена самосознанием и самим смыслом существования государства в качестве дома для мусульман южноазиатского субконтинента. Этот аспект не только лежит в основе теории двух наций, но и является неотъемлемой частью самопровозглашенного Пакистаном устремления быть частью панисламского мира²¹.

Подтверждение заявленной Пакистаном идентичности проявляется также в поддержании им с момента своего создания тесных связей с мусульманами Ближнего Востока. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что еще в 1947 г. Пакистан, став независимым государством, которое возглавили мусульмане, взял на себя инициативу по поддержке борьбы за деколонизацию в других государствах, большинство населения в которых составляли мусульмане. К ним относятся такие страны, как Ливия, Марокко, Алжир, Тунис, Сомали, Эритрея и Палестина, солидарность с которыми Пакистан всегда проявлял²².

²¹ Cohen S.P. Shooting for a Century: The India-Pakistan Conundrum. Washington DC, Brookings Institution Press, 2013. pp. 13-14; Pirzada Pakistan and the OIC. pp. 14-15.

²² Qureshi K. Pakistan and the Middle East. Pakistan Horizon, Vol. 19, №2, 1966. P. 158.

Так, этими же соображениями объясняется и постоянное внимание, которое Пакистан уделяет палестинскому вопросу. Еще первый министр иностранных дел Пакистана Мухаммад Зафарулла Хан стал одним из самых решительных сторонников независимости Палестины, когда вопрос о ней был впервые поднят в ООН²³. Решительный отказ Пакистана признать Израиль остается определяющей чертой его ближневосточной политики вследствие поддержки им дела палестинского народа. Именно по этим причинам Пакистан оказывал материально-техническую и военную поддержку коалициям арабских стран во время Шестидневной войны 1967 г., войны Судного дня 1973 г.²⁴ и палестинской интифады конца 1980-х гг. во главе с ООП. В 1988 г. Пакистан одним из первых признал суверенитет Государства Палестина, и с тех пор регулярно осуждал Израиль за насильственное подавление палестинских выступлений.

Хотя поддержка Пакистаном палестинского движения представляет собой одно из наиболее наглядных проявлений мусульманской направленности его политики в отношении Ближнего Востока, однако на траекторию его подхода к региону все большее влияние оказывают геополитические соображения. Они, в свою очередь, являются отражением широкого круга вопросов, которые непосредственно связаны с достижением стратегических и политико-экономических целей страны и решением задач по обеспечению безопасности Пакистана, а также с переменами в динамике политики, которую проводят великие державы. Так, на общую внешнюю политику Пакистана оказывают глубокое влияние как отношения давней вражды и соперничества с Индией, так и его напряженные взаимоотношения с Соединенными Штатами. Об этом, в частности, свидетельствует та роль, которую первоначально сыграла холодная война в формировании внешней политики Пакистана в отношении Ближнего Востока. В качестве примера можно привести создание в 1955 г. Организации центрального договора (СЕНТО), членами которой стали Соединенные Штаты, Турция, Иран, Ирак, Пакистан и Великобритания²⁵.

Внешнеполитический подход США к региону, закрепленный в доктрине Трумэна, был тогда в значительной степени обусловлен стремлением сдерживать коммунистическую угрозу со стороны Советского Союза. Эта политика нашла в лице Пакистана добровольного и сильного союзника, который, в свою очередь, считал экономическую и военную поддержку США жизненно важным для противодействия возникающей угрозе его существованию со стороны Индии. В силу этих же соображений Пакистан помимо СЕНТО стал участником ряда других антикоммунистических альянсов, таких как Организация Договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО) 1954 г. и крупного двустороннего соглашения с США 1959 г.²⁶ Однако годы тесных связей с США в

²³ Mustafa Z. Op. cit. P. 3.

²⁴ Ahmad Dar S. The Ramzan War and Pakistan. Pakistan Horizon, Vol. 29, №2, 1976.

²⁵ Khan A.S. Pakistan's Foreign Policy in the Changing International Scenario. P. 235.

²⁶ Akbar Kundi M. US Pakistan's Relations under Khan 1958-69: Impact on South Asia // A Research Journal of South Asian Studies, Vol. 24, №2, 2009. P. 199.

рамках заключенного союза не принесли Пакистану желаемых дивидендов, поскольку США предпочли остаться в стороне от двух войн Пакистана с Индией в 1965 и 1971 гг. Как показала война 1971 г., США опасались быть втянутыми в крупный конфликт, который мог разразиться, поскольку Индия заключила с Советским Союзом Договор о дружбе и сотрудничестве²⁷.

По сути, участие в этих альянсах обернулось для Пакистана лишь осложнением отношений с Советским Союзом и его союзниками в регионе, в частности, с Египтом, Ираком и Сирией. Имевшиеся разногласия еще больше усугубила поддержка Пакистаном французских и британских войск во время Суэцкого кризиса 1956 г.²⁸, а также уничтожение американского самолета-разведчика U-2, сбитого под Свердловском в 1960 г. Этот самолет был тайно переброшен на аэродром в Пакистане в соответствии с вышеуказанными соглашениями с США²⁹.

Вместе с тем, участие Пакистана в пактах, подобных СЕНТО, наряду с этими не оправдавшими себя надеждами, позволило ему установить прочные связи с Турцией и Ираном, что впоследствии привело к созданию в 1964 г. Организации регионального сотрудничества в целях развития (ORCD). Затем эти три страны задумались о тесном военном сотрудничестве, основанном на создании совместной военной промышленности, однако из этого ничего вышло. Вместе с тем, как Турция, так и Иран оказали Пакистану материальную и материально-техническую поддержку в его последующих войнах с Индией³⁰.

Что касается Ирана, то, хотя правивший шах и воздерживался от непосредственного участия в нестабильной политике Южной Азии, он по-прежнему продолжал оказывать Пакистану моральную и политическую поддержку в его противостоянии с Индией в течение всего этого времени³¹. Его симпатии на стороне Пакистана особенно наглядно проявились во время индо-пакистанской войны 1971 г., когда Пакистан потерял свою восточную часть. Комментируя готовность к военному вмешательству на стороне Пакистана, шах заявил, что считает целостность Пакистана жизненно важным для поддержания стабильности на восточных рубежах Ирана³², имевшего там общую с Пакистаном границу протяженностью 780 км³³.

В то же время Пакистан установил прочные отношения с Королевством Саудовская Аравия. Хотя Королевство и называло тесные связи Пакистана с Ираном «ударом в сердце», в ту эпоху стратегические императивы обеих стран постоянно сближались³⁴. В качестве примера можно назвать подпи-

²⁷ Wolpert S. *India and Pakistan: Continued Conflict or Cooperation?* Berkeley, University of California Press, 2010. P. 34.

²⁸ Qureshi K. *Op. cit.* P. 159.

²⁹ Hussain N. *Pak-Russia Relations: Lost Opportunities and Future Options // Journal of Political Studies*, Vol. 19, №1, 2012. P. 82.

³⁰ Mustafa Z. *Op. cit.* P. 3.

³¹ Alam S. *Iran-Pakistan Relations: Political and Strategic Dimensions // Strategic Analysis*, Vol. 28, №4, 2004. P. 529.

³² Mustafa Z. *Op. cit.* P. 9.

³³ Sial S. *Emerging Dynamics in Pakistani-Saudi Relations*. Norwegian Peacebuilding Resource Centre, 2015. P. 4.

³⁴ Weinbaum M.G., Khurram A.B. *Pakistan and Saudi Arabia: Deference, Dependence, and Deterrence // Middle East Journal*, Vol. 68, №2, 2014. P. 212.

сание в 1967 г. двустороннего оборонного соглашения, которое предусматривало подготовку саудовских офицеров, а также обмен советниками между обеими странами³⁵. С годами связи между военными двух стран значительно расширились, и пакистанские силы неоднократно принимали непосредственное участие в мероприятиях оборонного характера Королевства.

Так, при отражении вторжения йеменских войск на юге Королевства в 1969 г. истребителями ВВС Саудовской Аравии управляли пакистанские пилоты. Во время этого конфликта в Саудовской Аравии было размещено около 15 тысяч пакистанских военнослужащих, включая линейный батальон неподалеку от израильско-иорданской границы на северо-западе страны³⁶. С тех пор пакистанские войска регулярно дислоцировались в соседнем городе Табук, а также в Хамис-Мушаите на юге рядом с йеменской границей³⁷. Созданная в 1982 г. Организация саудо-пакистанских вооруженных сил со штаб-квартирой в Эр-Рияде сыграла важную роль в дальнейшем укреплении связей между вооруженными силами обеих стран и придании им официального статуса. Очередным подтверждением тесного военного сотрудничества стало размещение в 1990 г. 5 тысяч пакистанских военнослужащих для обороны Саудовской Аравии во время вторжения Саддама Хусейна в Кувейт³⁸.

То же самое можно сказать и о ряде государств Персидского залива, в которых пакистанские военные принимали непосредственное участие в обучении персонала и содействии развитию военной инфраструктуры этих стран и связанного с обороной потенциала. Значительная часть вооруженных сил Пакистана, развернутых за рубежом, участвует в военном строительстве таких ключевых государств региона, как Бахрейн, Катар, Оман и ОАЭ³⁹.

Вместе с тем, несмотря на столь прочные военные связи, налаженные за десятилетия сотрудничества, Пакистан воздерживается от участия в отдельных наиболее острых ближневосточных конфликтах. Эти конфликты, порожденные отчасти политикой сверхдержав, постоянно раздувавших растущее соперничество между Саудовской Аравией и Ираном, осложнили нынешнюю ситуацию еще больше.

Особенно наглядно это видно на примере продолжающейся в настоящее время гражданской войны в Йемене. Вооруженные силы Саудовской Аравии и Эмиратов принимают непосредственное участие в военном конфликте с повстанцами-хути, которых поддерживает Иран. Пакистан приложил немало усилий, чтобы остаться в стороне от этого конфликта, а его парламент единогласно принял резолюцию, подтверждающую нейтралитет. Однако на фоне растущего давления со стороны руководства Саудовской Аравии и ОАЭ Пакистану пришлось пойти на то, чтобы оставить свои войска

³⁵ Sial S. Op. cit. P. 1.

³⁶ Weinbaum M.G., Khurram A.B. Op. cit. P. 213.

³⁷ Sial S. Op. cit. P. 1.

³⁸ Weinbaum M.G., Khurram A.B. Op. cit. P. 214.

³⁹ Khan A. 1,671 Soldiers Deputed in Saudi Arabia // The Nation. 13.03.2018.
URL: <https://nation.com.pk/13-Mar-2018/1-671-soldiers-deputed-in-saudi-arabia>

на территории Саудовской Аравии, оговорив в качестве условия, что они будут там находиться исключительно для целей обороны. В результате в настоящее время в Королевстве дислоцировано около 1700 пакистанских солдат⁴⁰, а ушедший в отставку бывший командующий армией Пакистана Рахил Шариф возглавляет «Исламский военный альянс», созданный для борьбы с терроризмом.

Саудовская Аравия позиционирует себя как духовного лидера суннитского мусульманского мира⁴¹, в то время как Иран напрямую связывает свою безопасность с сохранением своей шиитской идеологии⁴². Эта межконфессиональная рознь, подпитывающая соперничество между Саудовской Аравией и Ираном, может перекинуться и на Пакистан, который и без того сталкивается со сложными внутренними проблемами в обеспечении безопасности⁴³. В силу проблем с обеспечением собственной безопасности, связанных с терроризмом, Пакистан всеми силами старается избежать втягивания себя в соперничество между Саудовской Аравией и Ираном. К тому же подобное противостояние равносильно анафеме для Пакистана, который играет ведущую роль в отстаивании единства мусульманского мира. По мнению Пакистана, это единство и без того уже находится в опасности перед лицом широкого спектра геополитических, экономических и даже социально-культурных проблем.

2.2. Влияние региональной политики великих держав

Как уже отмечалось в предыдущем разделе, вклад Пакистана в систему безопасности на Ближнем Востоке был направлен, скорее, на сохранение, чем на радикальное изменение сложившегося статус-кво. Это видно по ключевой роли, которую сыграли его военные связи в деле защиты во времена потрясений в ряде арабских государств, включая Палестину. Таким образом, ограниченный спектр возможностей Пакистана, сформированный геополитикой региона на протяжении всей истории страны, был обусловлен не только его идеологическим восприятием себя как части исламского мира, но также и пределами его собственного экономического и военного потенциала по сравнению с мощью и ролью мировых держав. В этой связи достаточно отметить, что роль державы-гегемона в регионе играют Соединенные Штаты.

Необходимость обеспечения стабильного и надежного источника энергоносителей и тот факт, что более 60% мировых запасов нефти находятся в регионе⁴⁴, во многом объясняют, почему ближневосточная геополитика имеет столь далеко идущие последствия для всего мира. Вместе с тем, если после окончания холодной войны роль США как регионального гегемона и главного центра силы никем не подвергается сомнению, то их позиционирование себя как стабилизирующей силы в регионе весьма спорно и вызывает немало вопросов.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Weinbaum M.G., Khurram A.B. Op. cit. P. 212.

⁴² Alam S. Op. cit. P. 527.

⁴³ Weinbaum M.G., Khurram A.B. Op. cit. P. 215.

⁴⁴ Gupta E. Op. cit. P. 1195.

Ни для кого не секрет, что США в регионе преследуют четыре основные цели. К ним относятся: поддержание энергетической безопасности, предотвращение распространения ядерного оружия, обуздание угрозы терроризма и обеспечение безопасности Израиля⁴⁵. США заявили об этой своей роли еще до того, как укрепилось их влияние во всем регионе, а различные события, порожденные региональной нестабильностью, постоянно грозили подорвать безопасность мирового рынка нефти. В числе таких событий можно назвать и нефтяное эмбарго 1973 г., и иранскую революцию 1979 г., и ирано-иракскую войну (1980-1988 гг.), и вторжение Ирака в Кувейт в 1990 г.⁴⁶ Этот перечень показывает, почему потребовалось вмешательство США с тем, чтобы обеспечить большую стабильность как в плане региональной политики, так и мировых финансовых рынков.

Однако, хотя США впоследствии и превратились в мирового гегемона, который на протяжении последних трех десятилетий действовал исключительно по своему усмотрению, это вовсе не привело к большей стабильности, которой они оправдывали свое вмешательство. Это, в частности, стало очевидным, когда в начале 2010-х гг. США не смогли предотвратить рост цен на нефть до исторических максимумов, что явилось прямым следствием их вторжения в Ирак и продолжающихся санкций против Ирана. Своими действиями США подорвали практику свободного вывоза нефти, которой мир пользовался с 1990-х гг.⁴⁷

На самом деле, существует немало аргументов в пользу того, что США не только не обуздали внутреннюю нестабильность в регионе, но, вероятно, даже подлили масла в ее огонь⁴⁸. Эту же мысль недавно озвучило российское министерство иностранных дел, которое, осудив США за вмешательство на Ближнем Востоке, заявило, что: «всплеск террористической угрозы в Ираке и на Ближнем Востоке в целом во многом стал результатом внешнего противоправного силового вмешательства во внутренние дела государств с целью решения корыстных геополитических задач»⁴⁹.

Тем не менее, несмотря на повсеместную критику, за последнее десятилетие мало что изменилось. Об этом, в частности, говорит то, что даже после ряда плохо спланированных вторжений в Ирак, Ливию и Сирию США по-прежнему обладают огромным потенциалом жесткой и мягкой силы в регионе в целом⁵⁰. Это разительно отличается от возможностей других участников системы безопасности региона, включая остальных постоянных членов СБ ООН, а также внешних заинтересованных сторон, таких как Пакистан.

⁴⁵ Glaser C.L., Kelanic R.A. *Crude Strategy: Rethinking the Us Military Commitment to Defend Persian Gulf Oil*. Washington DC, Georgetown University Press, 2016. P. 79.

⁴⁶ Gause F.G. *III Challenged Hegemony: The United States, China, and Russia in the Persian Gulf*. Stanford, Stanford University Press, 2018. 256 Pp; Paper, \$29.95, *Political Science Quarterly* Vol. 134, №1, 2019. P. 153.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Oskarsson K., Yetiv S.A. *Challenged Hegemony: The United States, China, and Russia in the Persian Gulf*. Stanford, Stanford University Press, 2018. P. 177.

⁴⁹ Charap S. Is Russia an Outside Power in the Gulf? // *Survival*, Vol.57, №1, 2015. P. 160.

⁵⁰ Mason R. *Challenged Hegemony: The United States, China, and Russia in the Persian Gulf* // *The Middle East Journal*, Vol. 72, №3, 2018. P. 529.

Именно интересы США в области экономики и безопасности, которые разделяет широкий круг государств от Израиля до Саудовской Аравии, продолжают доминировать в сложившемся статус-кво.

Эти общие интересы, в свою очередь, отчетливо проявляются в недавней эскалации напряженности в отношениях с Ираном. Пользуясь своим положением регионального гегемона, США продолжают не жалеть усилий по изоляции иранского режима, к которым можно отнести и односторонний выход из Совместного комплексного плана действий (СВПД), и недавнее занесение элитного Корпуса стражей Исламской революции в списки террористических организаций. Стремясь подорвать иранскую экономику путем резкого ограничения его экспорта нефти, США преследуют в качестве одной из главных целей недопущение разработки Ираном ядерного оружия, обладание которым могло бы кардинально изменить баланс сил в регионе. Баланс сил при нынешнем статус-кво полностью устраивает двух ближайших союзников США в регионе, а именно Израиль и Саудовскую Аравию.

СВПД, разработанный совместными дипломатическими усилиями пяти постоянных членов СБ ООН, ЕС и Германии, был изначально нацелен на существенное свертывание под контролем МАГАТЭ иранской программы создания ядерного оружия. С Ирана, в свою очередь, должны были сняты различные санкции, наложенные на его экономику. Сделка, заключение которой повсеместно расценили как историческое событие, заняла особое место среди множества других договоренностей в сфере международного сотрудничества. По отдельным аспектам ее считали даже более значимой, чем Договор о нераспространении ядерного оружия⁵¹. Однако решение президента Трампа выйти из договора и вновь ввести санкции под предлогом, что соглашение является «односторонним»⁵², вновь ввергло регион в состояние неопределенности. Помимо усиления озабоченности в рядах как противников, так и союзников США, это привело к росту мировых цен на нефть и повсеместной нестабильности.

В то время как Израиль и Саудовская Аравия приветствовали жесткую позицию США в отношении Ирана, европейские союзники Америки, а также Китай и Россия (которые также подписали СВПД) выразили серьезную обеспокоенность последствиями действий США для мира и безопасности региона в целом⁵³. Их позицию разделяют и такие страны, как Пакистан, которые непосредственно заинтересованы в поддержании региональной безопасности. Об этом свидетельствует официальное заявление Министерства иностранных дел Пакистана после объявления Белым домом своего решения выйти из СВПД. В заявлении говорится: «Пакистан считает, что международные договоры и соглашения, заключенные в результате слож-

⁵¹ Fitzpatrick M. Iran: A Good Deal // *Survival*, Vol. 57, №5, 2015. P. 49.

⁵² Iqbal A. Trump Tears up Iran Nuclear Deal, Revives Sanctions // *Dawn*. 09.05.2018.
URL: <https://www.dawn.com/news/1406529>

⁵³ World Leaders React to US Withdrawal from Iranian Nuclear Deal // *Al Jazeera Media Network*. 09.05.2018.
URL: <https://www.aljazeera.com/news/2018/05/world-leaders-react-withdrawal-iranian-nuclear-deal-180508184130931.html>

ных и напряженных переговоров, являются священными. Произвольное расторжение таких соглашений подрывает уверенность в ценности диалога и дипломатии в деле поддержания международных отношений и мирного разрешения споров»⁵⁴.

В заявлении Министерства иностранных дел, по сути осуждающим односторонние действия США, также отмечалось соблюдение Ираном взятых на себя по договору обязательств. Это соответствовало давней позиции Пакистана по поддержке права Ирана на использование и приобретение ядерной технологии в мирных целях⁵⁵. В заявлении, излагающем официальную позицию Пакистана по этому вопросу, говорится: «Мы приветствовали заключение СВПД и надеемся, что все стороны найдут способ его продолжения, особенно учитывая, что Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) неоднократно подтверждало исполнение Ираном всех своих обязательств по нему»⁵⁶.

Таким образом, обеспокоенность Пакистана выходом США из СВПД напрямую связана с дестабилизирующим воздействием такого шага на неустойчивый баланс, который он поддерживает между своими партнерами в регионе. Как уже отмечалось выше, одной из ключевых задач Пакистана на протяжении всей его истории было поддерживать хорошие отношения как с Ираном, так и с Саудовской Аравией, не втягиваясь в их давнее соперничество. Поддержка СВПД крупнейшими мировыми державами позволяла Пакистану проводить политику нейтралитета, не ставя под угрозу свои давние связи с Саудовской Аравией. Так было, в частности, в 2015 г., когда Саудовская Аравия запросила военную помощь у Пакистана во время йеменского конфликта. Другим примером являются переговоры с Ираном по СВПД, и тогда мировое общественное мнение выступало в поддержку заключения ядерной сделки. Вот почему, хотя арабские правители и угрожали Пакистану серьезными последствиями за отказ присоединиться к альянсу, возглавляемому Саудовской Аравией, Пакистану удалось отклонить саудовскую просьбу, сославшись на необходимость поддержать широкий международный консенсус по одобрению СВПД. К тому же, развитие тесных экономических связей с Китаем позволяло Пакистану нейтрализовать любые негативные экономические и дипломатические последствия от ухудшения отношений с Саудовской Аравией⁵⁷.

⁵⁴ MOFA, Press Release, news release. 09.05.2018.
URL: <http://mofa.gov.pk/pr-details.phpa>

⁵⁵ Sajjad Syed B. Pakistan Backs Iran over US Nuclear Deal Row // Dawn. 01.09.2018.
URL: <https://www.dawn.com/news/1430289>

⁵⁶ MOFA, Press Release. Op. cit.

⁵⁷ Yousaf K. Defying Royal Request: China Helped Pakistan 'Weather the Storm' over Yemen // The Express Tribune. 27.04.2015.
URL: https://tribune.com.pk/story/876495/defying-royal-request-china-helped-pakistan-weather-the-storm-over-yemen/?_cf_chl_jschl_tk_=f47c2de0b42cb3a8ce7f3ec78e56dab0e845d5ed-1579180415-0-AQpxFBqx9u4HRpTBjoZx3by9eVx-sJIDsGZEeY0wLv2kt999F6i7p44MeyO9AC8fgAFTY9uggQs-RqADJZha9XRfY9muKsMilWeR7WYI3u_gx8yNy5GrKLRtg6hgYPQpO4hSND541NXTTGmRq9R7OFWsQ3AZKG o2S9ys7b9eNGjUYhNnYiXldxTImGn3gZHo_VSroGoT_6Q6dXYV-o6t-BfKdWQev3OuZEKJLpgQyc_CZGfyIvL6bC4BvxKdalUEOoG5AG6Rkxg71r_9lPcWkrybOs-e3v8H66x9cTZkmlU9F3cKZEQuwoBiHgiMfUxGzI7iXWXCy9UVk-H1GCPmRgIX2vPlv6z-n-XNIAd0ldTu08ex9ff5oxw

Однако радикальное изменение внешнеполитического подхода США к Ирану при администрации Трампа привело к резким переменам в этой динамике. Усилия США по изоляции Ирана, получившие решительную поддержку Израиля и Саудовской Аравии, вселили в обе эти страны уверенность. Возникшая напряженность значительно возросла после направления Соединенными Штатами ударных военно-морских группировок к Персидскому заливу, в то время как Иран продолжает рассчитывать на всю возможную дипломатическую поддержку, которую может оказать Пакистан. Таким образом, Пакистану становится все труднее противостоять одновременно и Саудовской Аравии, и США. К тому же, Пакистан сталкивается с собственными экономическими трудностями, для преодоления которых нужна добрая воля не только Саудовской Аравии, но и в значительной мере США: Саудовской Аравии – для обеспечения отсроченных платежей по льготным ставкам для импорта нефти, а США – из-за их серьезного влияния на МВФ.

2.3. Изменение статус-кво региона?

Таким образом, если говорить о сложной роли Пакистана в поддержании баланса в системе безопасности на Ближнем Востоке, то достижение его целей, являющихся и без того непростыми по ряду причин, о которых говорилось выше, становится значительно труднее из-за нестабильности отношений с США.

Так, за исключением позиции Пакистана в отношении Ирана, в прошлом имелся ряд сфер, в которых интересы США, Саудовской Аравии и Пакистана совпадали и имели общую цель. В частности, с определенными оговорками можно говорить об общности целей всех трех стран в отношении Афганистана. Пакистан, Саудовская Аравия и Соединенные Штаты сыграли ключевую роль в вытеснении моджахедами советских войск во время афганской войны в 1980-х гг.⁵⁸ Два десятилетия спустя Саудовская Аравия и Пакистан вновь сыграли решающую роль в устранении влияния Аль-Каиды (организация признана террористической, ее деятельность запрещена в РФ) в Афганистане в ходе войны, объявленной США террору⁵⁹. Даже сегодня, когда США стремятся к полному выводу своих сил из Афганистана, Пакистану предлагается сыграть решающую роль в переговорном процессе по достижению прочного мира путем предоставления дипломатической и военной помощи, что также поддерживается Саудовской Аравией.

Однако в настоящее время эти общие интересы в пакистано-американских и пакистано-саудовских отношениях начинают ослабевать в силу происходящих изменений как в мировом, так и региональном статус-кво. Это, в частности, проявляется в налаживании Пакистаном более тесных экономических связей с Китаем, поскольку при администрации Трампа его отношения с США вновь ухудшились. Недавнее решение США сократить военную и экономическую помощь и заблокировать возмещение Пакистану в рамках Фонда поддержки коалиции установило новый минимум в отношениях

⁵⁸ Weinbaum M.G., Khurram A.B. Op. cit. P. 214; Khan A. Op. cit. P. 243.

⁵⁹ Sial S. Op. cit. P. 6; Khan A. Op. cit. P. 243.

между обеими странами. Кроме того, хотя США и продолжают называть Пакистан важным региональным партнером, особенно в том, что касается Афганистана, то наращивание ими тесных военных и стратегических связей с Индией (для сдерживания растущего Китая) сыграло важную роль в пересмотре Пакистаном своих геополитических оценок относительно региона.

Аналогичным образом осложнились и отношения между Пакистаном и Саудовской Аравией, поскольку Королевство стремится развивать более тесные военные связи с Индией⁶⁰. Хотя отношения между обеими странами по-прежнему связаны долговременными политическими, экономическими и социокультурными связями, более агрессивный подход Саудовской Аравии к региональному доминированию заставил ее искать новые пути сотрудничества, что вынудило Пакистан заняться переосмыслением своей роли в поддержании безопасности на Ближнем Востоке.

На изменение сложившегося в регионе статус-кво влияют не только отношения Пакистана с США и Саудовской Аравией, но и Китай с Россией, проявляющие все большую активность в этом направлении. Как уже упоминалось ранее, превращение Китая в главного противника влияния США сыграло ключевую роль в пересмотре Пакистаном своих внешнеполитических приоритетов. Обязательство Китая выделить 63 млрд долл. на строительство Китайско-пакистанского экономического коридора (СРЕС) в рамках его всеобъемлющей Инициативы пояса и пути (ИПП) послужило основным катализатором для укрепления экономической взаимозависимости, мира и стабильности между регионами Ближнего Востока, Центральной Азии и Южной Азии⁶¹. Эти события стали главной движущей силой формирования нового статус-кво в Азии, где Китай, проявляя растущую способность бросать вызов односторонним действиям США, сумел существенно укрепить свои отношения с Пакистаном в рамках достижения общих целей.

Одной из этих целей является превращение Ирана в ключевого игрока формирующейся энергетической структуры региона. Китай с самого начала поддерживал ирано-пакистанский газопровод, и многие ожидали, что он поможет в его строительстве⁶². Хотя этот проект еще не реализован из-за широкомасштабных санкций, наложенных на Иран, Китай по-прежнему продолжает подчеркивать, что Иран является важной частью его Инициативы пояса и пути. Таким образом, стремление Китая содействовать большей интеграции и стабильности и оказывать стабилизирующее влияние на регион позволило снизить градус напряженности в отношениях между Ираном и Пакистаном, что особенно важно, учитывая тесные связи последнего с Саудовской Аравией⁶³.

⁶⁰ Sial S. Op. cit. P. 6.

⁶¹ Ibid. P. 5.

⁶² Shah S. China to Build Pipeline from Iran to Pakistan // The Wall Street Journal. 09.04.2015.
URL: <https://www.wsj.com/articles/china-to-build-pipeline-from-iran-to-pakistan-1428515277>

⁶³ Chaziza M. China–Pakistan Relationship: A Game-Changer for the Middle East? // Contemporary review of the Middle East, Vol. 3, №2, 2016.

Пакистан и Россия тоже изучают новые направления сотрудничества, основанные на изменении статус-кво в регионе. Если раньше подход России к противодействию влиянию США в регионе Южной Азии в значительной степени характеризовался ее давними отношениями с Индией, то теперь она стала изучать новые возможности для развития более тесных связей с Пакистаном⁶⁴. Частично это объясняется тем, что США укрепляют военные связи с Индией, желая получить ее выгодные оборонные контракты, что со времен холодной войны являлось прерогативой практически исключительно России⁶⁵.

Не меньшее значение для России имеет и Иран. Как и для Китая, Иран для России является крупнейшим торговым партнером в регионе⁶⁶. Его связи с Ираном в сфере энергетики выходят за рамки нефти и газа и охватывают тесное сотрудничество в области ядерной энергетики. В качестве примера можно привести строительство Россией АЭС в Бушере⁶⁷.

Недавний прием Пакистана и Индии в полноправные члены Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) служит еще одним подтверждением формирования широкого многостороннего подхода к сотрудничеству в области экономики и безопасности во всех регионах Центральной и Южной Азии. Что касается разрешения конфликтов, то одним из многих плюсов ШОС является то, что она предоставляет возможность России и Китаю как крупнейшим региональным державам сыграть важную посредническую роль в разрешении векового соперничества между Индией и Пакистаном⁶⁸.

Хотя Россия и Китай и называются в Стратегии национальной безопасности США на 2017 г. стратегическими конкурентами, но они не обладают теми возможностями в области жесткой и мягкой силы, которые США используют во всем регионе⁶⁹. Это особенно верно в отношении регионов Персидского залива и Ближнего Востока, где обе страны хоть и продолжают испытывать гегемонию США на прочность, но их действия по большей части не выходят за рамки сфер собственных интересов. Для Китая, который в настоящее время является крупнейшим импортером энергоносителей региона, это сводится, в основном, к поддержанию отношений в области торговли и энергетики. Россия, со своей стороны, заинтересована в поддержании надлежащего уровня отношений в сфере жесткой силы и торговли оружием в условиях нестабильной геополитики, охватывающей такие государства, как Иран и Сирия⁷⁰.

⁶⁴ Pant H.V., Shah K.M. South Asia's Changing Geopolitical Landscape // *Orbis*, Vol. 63, №1, 2019. pp. 19-20.

⁶⁵ Dasgupta S., Cohen S.P. Arms Sales for India: How Military Trade Could Energize Us-Indian Relations // *Foreign Affairs*, 03-04, 2011.
URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/india/2011-02-18/arms-sales-india>

⁶⁶ Oskarsson K., Yetiv S.A. Russia and the Persian Gulf: Trade, Energy, and Interdependence // *Middle East Journal*, Vol. 67, №3, 2013. P. 386-387.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Shahab Ahmed Z., Ahmed S., Bhatnagar S. Conflict or Cooperation? India and Pakistan in Shanghai Cooperation Organisation // *Pacific Focus*, Vol. 34, №1, 2019.

⁶⁹ Mason R. Op. cit. P. 529.

⁷⁰ Ibid.

2.4. Пакистан в новом глобальном статус-кво

Говоря о роли Пакистана на Ближнем Востоке, мы показали, что в своих действиях он стремился придерживаться нейтралитета по отношению к его внутренним конфликтам. При этом он руководствовался в первую очередь стремлением сохранить стабильные экономические и торговые связи, а также укрепить единство и сплоченность панисламского мира, частью которого себя считает. Однако Пакистану не раз приходилось принимать чью-то сторону, как бы он этого ни избегал, в силу постоянно меняющейся динамики как регионального, так и глобального статус-кво. К последней относится изменение отношений с такими ведущими региональными державами, как Иран и Саудовская Аравия, а также с внешними могущественными акторами в лице США, Китая и России.

Вместе с тем, используя ситуацию, о которой говорилось в последнем абзаце предыдущего раздела, Пакистану удалось конвертировать свои давние связи с ключевыми игроками в регионе в значительный потенциал мягкой и жесткой силы во всем регионе. Хотя эти возможности и не выглядят впечатляющими по сравнению с американскими, однако они базируются на устоявшихся идеологических и социокультурных связях, дополняющих экономические и стратегические отношения Пакистана с этими государствами.

Таким образом, более тесное сотрудничество с Пакистаном предоставляет внешним державам России и Китаю уникальную возможность существенно укрепить свои позиции в регионе. Используя уже устоявшиеся связи Пакистана с регионом, обе страны могут использовать его влияние для восполнения имеющихся пробелов в утверждении своего влияния. На экономическом фронте это может включать реализацию совместных торговых и инфраструктурных проектов, например, по образу и подобию Китайско-пакистанского экономического коридора. Включение России в этот компонент Инициативы пояса и пути может помочь ей получить прямой выход в регионы Индийского океана и Персидского залива в качестве альтернативы существующим маршрутам через Кавказ.

Аналогичным образом, развитие отношений в сфере торговли оружием и оборонных связей может быть также использовано для достижения комплексных целей в отношении региона. Шаги в этом направлении могут включать заключение взаимовыгодных оборонных соглашений, в том числе по совместной подготовке военных кадров и разработке вооружений, или просто широкий обмен разведданными для создания платформы, позволяющей укрепить и развить отношения в военной сфере.

Таким образом, изменение динамики власти последних десятилетий во всем мире свидетельствует о том, что эра одностороннего американского диктата, хотя и сохраняет прежние позиции, но уже достигла пика своего развития, поскольку США сталкиваются с разнообразным спектром проблем в установленных сферах влияния⁷¹. Наглядным примером тому служат

⁷¹ Buzan B. A Leader without Followers? The United States in World Politics after Bush // *International Politics*, Vol. 45, №5, 2008.

регионы Ближнего Востока и Персидского залива, и, хотя данная динамика, судя по всему, находится лишь на начальной стадии, однако возможные последствия этих изменений заслуживают самого серьезного рассмотрения. Это особенно верно в отношении такого ключевого государства, как Пакистан, который исторически играл очень важную роль в формировании региональной структуры безопасности.

3. Выводы и возможности для сотрудничества в сфере безопасности в Персидском заливе между Россией и Пакистаном

- **В основе безопасности в Персидском заливе должна лежать политика инклюзивности и учета интересов других сторон.** Политика эксклюзивности несет в себе серьезные риски. Помимо государств ССАГПЗ, в регионе существуют еще два региональных игрока — Ирак и Иран, — которые непосредственно влияют на безопасность в зоне Залива. **Именно проработка формулы включения их в субрегиональную архитектуру безопасности и должна стать частью будущего решения.** Согласно предложенной МИД РФ концепции коллективной безопасности в зоне Залива, «Россия поддерживает традиционно дружественные отношения со всеми без исключения странами региона Персидского залива, выстраивает взаимодействие с ними на равноправной и взаимоуважительной основе. Убеждены в том, что залогом достойного и безопасного будущего для всех государств и народов региона, который сегодня как никогда нуждается в позитивной повестке дня, могло бы стать формирование инклюзивной архитектуры мира и безопасности»⁷². В этом плане Пакистан мог бы внести вклад в развитие концепции коллективной безопасности в зоне Персидского залива и оказать ей дипломатическую поддержку.
- **России и Пакистану целесообразно проработать возможности для развития сотрудничества в рамках ШОС в субрегионе Персидского залива.** Так, Москва и Исламабад могли бы провести совместные морские учения в Персидском заливе, отдельно с Ираном или в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Предложение США создать специальный патруль для безопасности судоходства и мониторинга ситуации в Персидском заливе спорно, поскольку Вашингтон является одной из сторон конфликта. Поэтому такая, по сути, антииранская инициатива и не обрела поддержку некоторых американских союзников, включая ЕС. **России и Пакистану стоит продолжить выдерживать нейтральную дипломатическую линию в отношении конфликтующих государств Персидского залива.**
- **Россия и Пакистан вместе или по отдельности могли бы продвигать идеи мирного атома, нераспространения и ЗСОМУ в Персидском заливе и шире — на Ближнем Востоке, поскольку стороны считают необходимым обеспечить безопасность и стабильность на Ближнем Востоке.** Согласно концепции внешней политики России, Москва перманентно выступает за «создание зон ЗСОМУ, особенно на Ближнем Востоке». Это сформировало бы иную атмосферу и могло стать ключом к созыву региональной конференции. На Среднем и Ближнем Востоке существует ряд стран, на

⁷² Российская Концепция коллективной безопасности в зоне Персидского залива // МИД России. 23.07.2019.
URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/3733575

территории которых размещены ядерные боеголовки. Особым фактором в региональной и мировой безопасности является «иранское досье». Выход США из СВПД во многом дестабилизировал обстановку, однако Иран продолжил выполнять взятые им на себя обязательства в течение последующего года, что неоднократно подтверждалось докладами МАГАТЭ. Россия, Пакистан и государства Залива могли бы подписать соглашения по развитию и использованию мирных ядерных технологий.

- **России и Пакистану целесообразно согласовывать свои усилия по борьбе с терроризмом при взаимодействии с государствами Залива.** В вопросах борьбы с терроризмом Москва и Исламабад обсуждают позиции со странами Персидского залива в разных форматах. Обмен этим опытом и информацией между заинтересованными сторонами может положительно повлиять на укрепление доверия. Странам стоит проработать возможность совместных учений в этой сфере. Так, например, уже зарекомендовало себя двустороннее российско-пакистанское сотрудничество в военной сфере, где стороны проводят учебно-боевые контртеррористические мероприятия в рамках учений «Дружба». **Россия, Пакистан и страны Залива могли бы подписать соглашения о борьбе с транснациональным терроризмом, незаконным оборотом оружия и миграцией, наркотрафиком, оргпреступностью.**
- **Противодействие терроризму и поддержание жизненно важных линий энергоснабжения из региона представляют собой часть целого комплекса общих для обеих стран проблем.** Географическая близость Ближнему Востоку вызывает как у России, так и у Пакистана особую озабоченность, поскольку они опасаются, что наиболее актуальные проблемы с обеспечением безопасности, присущие региону, могут перекинуться и на их территории. Это объясняет совпадение их взглядов на свою роль в регионах Ближнего Востока и субрегиона Персидского залива и общность интересов при выработке подхода к ним. Поскольку указанные проблемы превращают регион в основной очаг напряженности, становится понятным, почему и Россия, и Пакистан так заинтересованы в его стабильности и делают упор на поддержание последней.
- **Общие проблемы безопасности обеих стран в борьбе с терроризмом могут привести к расширению сотрудничества путем обмена разведданными и проведения совместных учений для отработки специальных операций.** Таким образом, хотя с середины 1950-х гг. отношения между странами не раз обострялись, сегодня у Пакистана и России имеется ряд возможностей для налаживания сотрудничества в регионах Ближнего Востока и Персидского залива. Недавно проведенные военные учения «Дружба» представляют собой пример такого сотрудничества, которое можно и дальше развивать, и расширять в плане охвата и общего уровня участия. Кроме того, опасность распространения ИГИЛ на Афганистан и Южную Азию представляет для обеих стран серьезную угрозу, нейтрализовать которую не только можно, но и нужно общими усилиями. Российский опыт и разведывательные данные, полученные в результате

борьбы с террористической сетью в Сирии, могут представлять большую ценность для Пакистана, который прилагает немало усилий для борьбы с подобными негосударственными акторами на своей территории.

- **Укрепление региональной инфраструктурной связанности позитивно отразится на развитии развивающихся регионов мира.** Недавно построенный в Пакистане порт Гвадар, расположенный менее чем в 600 км от жизненно важного Ормузского пролива, образует важнейший элемент морской сети Инициативы пояса и пути. Сопряжение Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с ИПП, уже позволило России извлекать выгоду из развития региональной транспортной сети между Центральной Азией и Евразией. Дальнейшее ее развитие и выход на регион Индийского океана в сотрудничестве с Пакистаном могли бы изменить пакистанский подход к регионам Ближнего Востока и Персидского залива. Помимо очевидных стратегических последствий, такое сотрудничество могло бы содействовать формированию в будущем нового коридора энергоснабжения. Укрепление региональной инфраструктурной связанности привело бы к росту инвестирования в наиболее перспективно развивающиеся регионы мира, расположенные в Южной Азии, на Ближнем Востоке и отчасти даже в Африке.
- **Общие цели Пакистана и России по укреплению стабильности во всех этих регионах могут лечь в основу долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества.** Географическая близость России и Пакистана к регионам Ближнего Востока и Персидского залива, равно как и историческая и социокультурная общность с ними могут стать залогом прагматичного и плодотворного сотрудничества по совместному решению многих проблем, с которыми они сталкиваются в регионе. По сути, это может преобразовать геостратегические преимущества обеих стран в их геоэкономическое процветание, особенно, если принять во внимание нарождающуюся многополярность всеобъемлющего мирового порядка.

Об авторах

Григорий Лукьянов – старший преподаватель департамента политической науки факультета социальных наук Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, эксперт РСМД (Россия)

Юлия Рокнифард – консультант ПИР-центра, директор по внешней политике *EMIR Research*, эксперт РСМД (Россия)

Мохаммад Вакас Джан – старший научный сотрудник Института стратегического видения (Пакистан)

Российский совет по международным делам

Российский совет по международным делам (РСМД) – некоммерческая организация, ориентированная на выработку практических рекомендаций в интересах профильных внешнеполитических ведомств, российских государственных и частных компаний и других организаций, ведущих активную международную деятельность.

РСМД объединяет усилия экспертного сообщества, органов государственной власти, бизнес-кругов и гражданского общества с целью повышения эффективности внешней политики России.

Наряду с аналитической работой РСМД ведет активную образовательную деятельность с целью сформировать устойчивое сообщество молодых профессионалов в области внешней политики и дипломатии.

Совет выступает в качестве активного участника экспертной дипломатии, представляя на международных площадках экспертное видение в решении ключевых международных проблем.

Членами РСМД являются ведущие представители внешнеполитического сообщества России: дипломаты, бизнесмены, ученые, общественные деятели и журналисты.

Президент РСМД, член-корреспондент РАН Игорь Иванов занимал пост министра иностранных дел РФ в 1998-2004 гг. и секретаря Совета Безопасности РФ в 2004-2007 гг.

Генеральным директором Совета является Андрей КОРТУНОВ. В 1995-1997 гг. Андрей КОРТУНОВ занимал должность заместителя директора Института США и Канады РАН.

Институт стратегического видения

Институт стратегического видения (Strategic Vision Institute, SVI) – автономная, многопрофильная и независимая организация, основанная в январе 2013 г. Институт – неправительственное и некоммерческое учреждение, которое управляется Советом Попечителей и его председателем (Росс Масуд Хусейн) и Руководящим комитетом, возглавляемым президентом/исполнительным директором (Зафар Икбал Чима).

Цель SVI заключается в выдвигании стратегических прогнозов по темам национальной и международной значимости, посредством проведения непредвзятого, беспристрастного и независимого исследования, анализов и научных изысканий. Ключевым направлением деятельности SVI является обеспечение системы профессиональной экспертизы, доктринальной мудрости и прогнозирования, необходимых для грамотного формулирования и успешного менеджмента политико-экономической, дипломатической и военной измерений государственной политики.

Председатель SVI Росс Масуд Хусейн более 50 лет посвятил сфере дипломатии и стратегического планирования, включая высокопоставленные назначения в правительстве Пакистана и различных международных организациях. Он также является постоянным представителем по Южной Азии в Институте изучения индо-пакистанских отношений Лестерского университета Великобритании.

Президент / исполнительный директор SVI Зафар Икбал Чима – бывший декан факультета социальных наук, заслуженный профессор и руководитель Департамента безопасности и стратегических исследований (DSS) Университета Каид-и-Азама (QAU) в Исламабаде, Пакистан (2005-2008 гг.). Он также работал профессором/руководителем Департамента стратегических и ядерных исследований факультета современных исследований Университета национальной обороны в Исламабаде, Пакистан (2011-2012 гг.). Зафар Икбал Чима часто посещает Москву, неоднократно принимая участие в качестве спикера/участника Московской ежегодной конференции по международной безопасности.

Для заметок

Российский совет по международным делам
Институт стратегического видения (Пакистан)

**РОССИЯ И ПАКИСТАН НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ:
ПОДХОДЫ К БЕЗОПАСНОСТИ В ЗАЛИВЕ**

Доклад № 50/2020

Верстка — О.В. Устинкова

Источник фото на обложке:
РИА Новости / Виталий Тимкив

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 2,25. Тираж 150 экз.

Российский совет
по международным
делам

Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс: +7 (495) 225 6284
welcome@russiancouncil.ru

119049, Москва,
4-й Добрынинский переулок, дом 8

russiancouncil.ru